

Содержание

Об этом издании.....	7
Принятые сокращения	11
1. СОВЕТСКИЙ ТИП ГОСУДАРСТВА.....	13
Государственность, построенная на утопии	16
Родовые черты государства советского типа.....	37
«Россия — одна фабрика».....	37
«Советы — работающие корпорации»	60
«Партия — авангард»	76
Контрольные вопросы	86
Рекомендуемая литература	86
2. КОНСТИТУЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ.....	87
О термине	89
Рождение конституции современного типа.....	94
Конституционализм как родовой признак конституции.....	100
Два односторонних подхода к пониманию конституции.....	104
Формально-юридический подход	104
«Социологический» подход. Концепция Ф. Лассалья	112
Значение конституции	122
Из истории создания действующей Конституции РФ	125
Незавершенная революция	125
Соединение несоединимого	129
Несправедливое «распределение ролей»	132
Борьба за власть или попытка завершения революции?	142
«Ответы на конституционные страхи».....	148

Свойства конституции.....	154
Конституция — концентрированное выражение права	154
Высшая юридическая сила	161
Особый порядок изменения.....	167
Необходимость гарантирования	174
О прямом действии Конституции	206
Контрольные вопросы.....	216
Рекомендуемая литература	216
3. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ	219
Конституционный строй и его основы	221
Человек, его права и свободы — высшая ценность	227
Неужели высшая ценность — человек?.....	227
Ответ на критику статьи 2	234
Российское гражданство.....	248
Что такое гражданство и каково его значение.....	248
Принципы российского гражданства	251
Правовое государство	265
Смысл правового государства	265
Право и закон.....	271
Право и правосознание	274
Отражение принципа правового государства в российской Конституции	279
Демократическое государство и республиканская форма правления	300
Демократия как «l'enfant terrible»	300
Превращение «гадкого утенка»	305
Размытое понятие	312
Основные элементы демократического государства.....	316
Республика: трудности определения.....	350
Местное самоуправление	357
Антипод местного самоуправления	357
Два смысла местного самоуправления	358

Федеративное государство.....	363
Федерация как соединение сил.....	364
Федерация как способ разрешения конфликта.....	369
Статус субъектов федерации	375
История появления современной Федерации.....	377
О некоторых причинах «дефедерализации»	382
Основные признаки федеративного государства и особенности Российской Федерации	387
Социальное государство	393
Рыночная (конкурентная) экономика	404
Светское государство	410
Соединение религиозного и светского	410
О концепции «симфонии властей»	417
Проблемы, связанные с понятием «светское государство»	428
Свобода совести.....	446
Контрольные вопросы.....	455
Рекомендуемая литература	455
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	460
Советский тип власти (пятый сон Веры Павловны)	460
БИБЛИОГРАФИЯ.....	474
Работы классиков философии, права, богословия, истории и социологии	474
Книги, брошюры, диссертации, авторефераты диссертаций.....	478
Научные труды в сборниках и хрестоматиях, главы в монографиях	483
Статьи в научных журналах	485
Комментарии к Конституции Российской Федерации	490
Учебники и учебные пособия.....	490
Словари, энциклопедии и иные справочные издания.....	491
Работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина	492
Политические, публицистические, популяризаторские, художественные произведения, сообщения в прессе.....	496

Содержание

Международно-правовые акты и международные договоры России (в хронологическом порядке)	500
Нормативные правовые акты (в хронологическом порядке)	500
Судебные решения (в хронологическом порядке)	503
Иные документы (в хронологическом порядке)	506

Об этом издании

Когда я учился на юридическом факультете, новые термины и понятия так и сыпались. Конечно, в учебниках они объяснялись, давались их определения. И для сдачи экзаменов этого было достаточно. Но уже начав работать по специальности, я обнаружил, что учебные знания не позволяют мне (как я сам это воспринимал) «потрогать» то или иное понятие — как бы увидеть его образ и благодаря этому понять смысл, предназначение, правильно применить при анализе и оценке того или иного явления. Поэтому мне показалось полезным написать книжку, которая поможет еще на стадии учебного постижения некоторых понятий конституционного (государственного) права сделать их менее отвлеченными, менее «одномерными» и, надеюсь, более ясными.

Почему книга называется «Введение в конституционное право»? Потому, что она посвящена уяснению смысла наиболее важных и в то же время сложных понятий, которые применяются российской Конституцией и составляют *основу* конституционного права как науки и как отрасли. Постигая их, мы как бы приоткрываем завесу над одной из самых философских юридических дисциплин, входим в мир конституционного права. Без понимания основополагающих категорий мы не будем способны критически оценивать действительность, законы, политические решения и т.п., следовательно, не сможем быть хорошими профессионалами.

Говорю «мы» — поскольку, работая над книгой и думая, как сделать материал яснее, я и для себя продолжал уточнять какие-то моменты. Впрочем, для любого исследователя постоянное размышление над анализируемыми понятиями — совершенно нормальное явление. Поэтому, с одной стороны, сознавая, что пишу работу для учебных целей, я предпринял попытку (удачную или неудачную — судить вам) произвести, так сказать, *редукцию* отдельных понятий, т.е. свести их к некоторой схеме. С другой стороны, текст насыщен изложением разных мнений, точек зрения, что, в общем-то, противоречит стремлению упростить сложную материю. Однако если бы я отказался от этого, данную работу можно было бы назвать

«Популярным конституционным правом», «Конституционным правом для домохозяек» и т.п. Для тех же, кто готовится стать профессионалом, она оказалась бы бесполезной. Знакомство с разными позициями, теоретическими и практическими проблемами как раз и есть составная часть *введения* в самый сложный мир конституционного права.

Многие из анализируемых в настоящей книге понятий одновременно являются основными **конституционными ценностями**. А ценность, как ее кратко определяет философская наука, это человеческое, социальное или культурное значение определенных явлений действительности¹. Проще говоря, то, что считается более (или даже наиболее) важным, значимым для человека и общества в целом.

Для того чтобы нечто стало для человека ценностью, он, естественно, должен понимать смысл, предназначение и значимость данного явления. Вот почему я старался объяснить, в чем состоит ценность и конституции, и основных принципов конституционного строя. Достоинство, свобода (физическая, духовная, творческая), собственность, материальное благополучие и многое другое (точнее, защита этих ценностей) зависят (иногда напрямую) от того, каковы основы данной государственности и насколько они реальны.

Некоторые суждения, высказанные в книге, авторские подходы, выводы могут показаться непривычными. Это не следствие моего стремления к оригинальности, а результат осмысления тех идей, о которых в свое время писали умнейшие и образованнейшие люди. Именно поэтому в работе много цитат: хотелось, чтобы вы почувствовали дух произведений разных мыслителей. Так что предлагаемое издание можно считать своего рода паллиативом хрестоматии. Кстати, поэтому при первом упоминании того или иного автора полужирным курсивом выделено его имя.

Структурно работа состоит из трех частей, которые разбиты на условные разделы и подразделы. Тем самым я даже «эстетически» отошел от традиционного учебника и потому не нумеровал эти структурные единицы.

Часть, посвященная краткому разбору того, что является собой *советский тип государства*, может показаться в данной работе ненуж-

¹ См., например: Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 765.

ной. Но я убежден, что разговор об этом необходим. Ведь любая новая система социальных отношений несет на себе отпечаток (и остатки) предшествующей. В значительной степени это относится к советской системе, основанной на совершенно ином мировоззрении и иных принципах. Соответственно, для понимания того, почему именно данные понятия и в данном преломлении фигурируют в Конституции РФ, а также для трезвой оценки действительности следует знать, «из какой «шинели» вышла»² существующая общественная и государственная система России.

Кроме того, та «картина мира», которая была «усвоена» советским человеком, не исчезла с появлением новых институтов и в силу социальной инерции оказывает влияние на становление принципиально иной государственной и общественной системы. Тем более что в государственном аппарате (в его широком понимании) до сих пор работает множество людей, чье нравственное и профессиональное становление пришлось на советское время. Социальный стереотип есть широко распространенный схематичный образ социального объекта. А значит, мы можем лучше понять современное состояние общества и государства, если выясним, на основе чего возникли и сформировались советские стереотипы.

Вторая часть книги посвящена *феномену конституции*. Без осмысления того, что представляет собой конституция в современном мире, затруднительно понять и что такое конституционный строй, каковы его основы, или главные принципы. О сущности конституции спорят уже два века. Не потому, что ученые не могут постичь этот феномен, а потому, что в зависимости от своего мировоззрения они по-разному его трактуют. Поэтому я постарался, пусть и схематично, представить различные подходы к пониманию смысла конституции и обрисовать тот, который считаю более верным.

В этой части, однако, говорится не только о понимании конституции. Естественно, я не мог обойти вниманием вопрос и о характере отечественной Конституции 1993 г., а также об исторических условиях, которые во многом предопределили ее особенности.

² Перефразировано известное выражение, приписываемое Ф.М. Достоевскому: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя».

Наконец, в последней, третьей части анализируются *основы конституционного строя России*. Конституция России (как и всякий иной подобный документ) обладает свойством *системности*, в связи с этим многие положения ее глав являются конкретизацией, раскрытием основ конституционного строя, закрепленных в ее первой главе. Однако такой системный анализ представляет собой отдельную исследовательскую задачу, и потому не все основы конституционного строя я соотносил с нормами из других глав Конституции.

В работе вы встретитесь с текстом, имеющим иной формат в сравнении с «основным». Этот прием я позаимствовал у выдающегося французского конституционалиста *Леона Дюги* (1859–1928), применившего его в фундаментальном труде «Конституционное право. Общая теория государства». Таким образом я отделяю большие цитаты, примеры из практики, а также некоторые авторские суждения, которые играют роль дополнительных.

Шрифтовые выделения во всех цитатах по умолчанию мои. Но если они были в самой цитате, я на это указываю.

Не могу не выразить глубокую благодарность моим друзьям и коллегам: **И.А. Алебастровой, В.Б. Евдокимову, А.Б. Зубову, В.А. Кряжкову, Л.Е. Лаптевой, Е.А. Мишиной, академику РАН Р.М. Энтову**. Своими ценными замечаниями и советами они помогли улучшить текст этой книги. И конечно же, я благодарен редактору **Г.Е. Шериховой** за ее замечательную работу над рукописью.

Принятые сокращения

Ведомости СНД и ВС РФ (СССР, РСФСР) — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации (СССР, РСФСР).

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет (см. также *ЦИК*).

ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению. Орган, созданный в процессе попытки государственного переворота 19 августа 1991 г., по приказу которого Президент СССР М.С. Горбачев был изолирован в Крыму и фактически отстранен от власти. ГКЧП просуществовал до 21 августа 1991 г.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Этот репрессивный орган в разные периоды советской истории имел разные наименования (ВЧК, НКВД, МГБ, КГБ). Этот орган был даже упомянут в Конституции СССР 1924 г., в ст. 61 которой закреплялось: «В целях объединения *революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом* учреждается при СНК Союза ССР объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), председатель которого входит в СНК Союза ССР с правом совещательного голоса».

Политбюро ЦК КПСС (РКП (б), ВКП (б)) — Политическое бюро Центрального комитета коммунистической партии. Орган, реально управлявший партией и страной вплоть до путча в августе 1991 г. (некоторое время назывался Президиумом ЦК). Название самой партии неоднократно менялось: сначала РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), затем, после раскола на большевиков и меньшевиков, РСДРП (б), в 1918 г. — РКП (б) (Российская коммунистическая партия (большевиков)), после создания СССР — ВКП (б) (Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)) и, наконец, с 1952 г. — КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ — Российская Федерация.

САПП РФ — Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации.

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации.

СНК (РСФСР, СССР) — Совет народных комиссаров (Совнарком). Так с 1917 по 1946 г. именовался Совет министров (в союзных республиках также были СНК). По Конституции СССР 1924 г. СНК считался «исполнительным и распорядительным органом Центрального Исполнительного Комитета» и образовывался последним, но только формально, так как в реальности состав Совнаркома формировался Политбюро Центрального комитета компартии.

СУ РСФСР — Собрание узаконений РСФСР. Официальное периодическое издание, в котором публиковались акты органов государственной власти в первые годы советской власти.

ЦИК (до декабря 1936 г.) — Центральный исполнительный комитет Съезда Советов СССР (такие же органы существовали и в союзных республиках). Формально, по Конституции СССР 1924 г., «верховным органом власти» страны был Съезд Советов, но в период между съездами, т.е. сессиями, высшим органом являлся ЦИК, образуемый Съездом. Любопытно, что у ЦИК был еще и его Президиум, обладавший большими полномочиями. Сегодня акронимом «ЦИК» обозначают Центральную избирательную комиссию РФ. Чтобы не было путаницы, по отношению к ней я применяю аббревиатуру «Центризбирком».

1

СОВЕТСКИЙ
ТИП
ГОСУДАРСТВА

И еще одна безумная идея социалистов вскрыта ныне коммунизмом в России — идея построить благосостояние народа на нищете граждан, счастье коллектива на страдании индивидуума. Дело не только в том, что личность в социалистическом строе бесправна, а государственная власть неограниченна в своих правах; более того — здесь личность хозяйственно порабощена, нравственно уничтожена, творчески обессилена, не обеспечена в своих элементарных потребностях и раздавлена духовно. <...> Коммунисты поняли, что социализм и индивидуализм исключают друг друга; и со свойственной им прямолинейностью они приступили к подавлению духовной индивидуализации, к массовому изготовлению примитивного существа с вытравленной личностью. Они решили «переделывать» человеческую природу и приступили к социализации человеческой души.

Иван Ильин

Кризис социализма (1931 г.)

Спор в венском кафе «Ландман» в 1918 г. разгорелся во время встречи немецкого социолога Макса Вебера с австрийским экономистом Йозефом Шумпетером и известным венским банкиром Феликсом Зомари; последнему, кстати, мы и обязаны ценнейшим свидетельством об этом споре. Речь зашла о русской революции. Й. Шумпетер радостно заявил, что социализм наконец перестал быть «бумажной дискуссией» и теперь будет вынужден доказывать свою жизнеспособность. М. Вебер возразил, что попытка ввести социализм в России, учитывая уровень ее экономического развития, есть, по сути дела, преступление и закончится катастрофой. По воспоминаниям Ф. Зомари, Й. Шумпетер холодно заметил, что это вполне может случиться, но что Россия представляет собой «прекрасную лабораторию». В ответ М. Вебер взорвался: «Лабораторию с горой трупов». Й. Шумпетер сказал: «Как и любой анатомический театр».

Ян-Вернер Мюллер

Споры о демократии. Политические идеи
в Европе XX века

Советская модель, или советский тип, государства — уникальное явление в истории человечества. Я бы не советовал этим гордиться, но понимаю, что мой совет проигнорируют: по многолетним опросам социологов, от 35 до 45 процентов наших сограждан считают, что советская политическая система лучше и нынешней системы, и западной демократии¹. Учитывая жанр учебного пособия, я не собираюсь рассуждать в терминах «лучше/хуже». Поэтому могу только повторить слова Ж.-Ж. Руссо: «Мое дело говорить правду, а не заставлять верить в нее». В данном случае — кратко рассказать о теоретической основе советского типа государства, его принципиальных особенностях и некоторых следствиях.

¹ См.: Общественное мнение — 2017. М.: Левада-Центр, 2018. С. 26 (в 2018 г. такой вопрос не задавался).

Государственность, построенная на утопии

Как известно, *утопия* — это описание того, чего *в реальности быть не может*. Это слово сегодня применяют к любой идее, кажущейся нереалистичной, но начинался жанр утопии с представления именно об «идеальном обществе». Подобных утопий европейская мысль знает немало. Одни из них представлены в форме философских произведений, например, у **Платона** (428/7—347 до н.э.), другие — в форме художественных, например, «Утопия» **Томаса Мора** (1478—1535), который и ввел сам этот термин². Хотя авторы утопий, как правило, *всего лишь* стремятся нарисовать картину счастливого благоденствующего общества, этот жанр не так уж безобиден: любое представление об «идеальном обществе» несет в себе зерна *тоталитаризма*. Но эта опасность массовым сознанием обычно не воспринимается, поскольку люди склонны очаровываться «высотой замысла».

Я и сам когда-то был влюблен в коммунистическую идею, а Ленина считал непревзойденным гением. В свое оправдание скажу лишь, что даже крупные личности подвержены ошибочным идеям. Главное, осознают ли это люди, способны ли к эволюции. Известный философ **Л.И. Шестов** (1866—1938) писал: «От прошлых убеждений Достоевского, от того, во что он веровал в молодости, когда впервые вошел в кружок Белинского, не осталось ни следа. Обыкновенно люди считают поверженных кумиров все же богами и оставленные храмы — храмами. Достоевский же не то что сжег —

² Утопией он назвал вымышленный остров, где размещалось его «идеальное общество».

он втоптал в грязь все, чему когда-то поклонялся. Свою прежнюю веру он уже не только ненавидел — он презирал ее»³.

Если мы читаем сказку, действие которой разворачивается в стране, где живут счастливые люди, потому что там правит добрый и справедливый король, мы понимаем, что это только сказка и она предназначена не для описания «идеального тридевятого королевства», а для других целей. Иное дело — утопия. Она являет собой не сказку, а *социальный проект*. Это было бы, наверное, нормальным видом творчества, если бы утопист не основывался исключительно на *своей* картине мира, на *своих* представлениях о справедливости, о характере отношений между людьми, об устройстве власти и т.п. Потому-то я и заключаю слова «идеальное общество» в кавычки, что идеально оно лишь для автора утопии и его единомышленников. Между тем любое общество гетерогенно, и потому воззрения утописта, каковы бы они ни были, не могут быть равно привлекательны для всех (а для кого-то образ «счастливого будущего» может казаться даже отвратительным). Таким образом, в самой утопии уже присутствует идея насилия над личностью, «принуждения к счастью» (мрачная иллюстрация: лозунг «Железной рукой загоним человечество к счастью» висел в начале 1920-х годов над воротами Соловецкого лагеря для политзаключенных и духовенства).

Известный политический мыслитель XX в. **Карл Поппер** (1902–1994), рассуждая о способах общественных преобразований, обрисовал два подхода: «*постепенный, поэтапный (piecemeal)*» и «*утопический*». В первом случае имеется в виду *совершенствование существующих* институтов, во втором — «проекты *переустройства общества в целом*, т.е. проекты весьма основательных изменений, практические последствия которых трудно предусмотреть, опираясь на наш ограниченный опыт»⁴.

Иван Кратев и **Стивен Холмс** высказали интересное наблюдение: «В 1989 году жители Центральной и Восточной Европы (бывших социалистиче-

³ Шестов Л. Достоевский и Ницше // Шестов Л. Соч. / сост., вступ. ст. и примеч. Л.В. Полякова. М.: Раритет, 1995. С. 28.

⁴ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1: Чары Платона. С. 204.

1. Советский тип государства

ских стран. — М. К.) мечтали не о каком-то идеальном мире, которого никогда не было. Они тосковали по “нормальной жизни” в “нормальной стране”. Как позже признался польский общественный деятель Адам Михник: “Я был одержим мыслью о том, что у нас будет революция, похожая не на французскую или русскую, а, скорее, на американскую — в том смысле, что она будет за что-то, а не против чего-то. *Революция ради конституции, а не рая. Антиутопическая революция. Потому что утопии ведут на гильотину и в ГУЛАГ*”⁵.

Оправданна именно «постепенная социальная инженерия», ибо она направлена на то, чтобы разрабатывать методы для поиска и борьбы с наиболее тяжелыми, нестерпимыми социальными бедами⁶. А вот стремление «искать величайшее конечное благо», говорил Поппер, приводит к ужасным последствиям:

«Можно искать небесный град в прошлом или в будущем, можно звать “назад к природе” или “вперед к миру любви и красоты”, но это всегда — призыв к нашим эмоциям, а не к разуму. Даже лучшие **намерения создать на земле рай могут превратить ее только в ад** — в ад, который человек — и только он — может создать своим собратьям»⁷.

Дело даже не в том, что «утопический рай» окажется адом, а в том, что сам *путь к утопической цели* неизбежно приносит невыносимые страдания и делает жизнь гораздо хуже той, которая существовала до попытки осуществления проекта.

Россия сполна испытала на себе действие этой закономерности. О причинах того, почему в начале XX в. многие приняли коммунистическую идею, спорят давно. Разумеется, какой-то одной причиной этого не объяснить. Но, думаю, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что не только «всеобщее счастье» для многих показалось достижимым, но и путь к этой цели выглядел заманчивым. Эта, как сейчас бы сказали, «дорожная карта», собственно, и представляет основные, или **родовые, черты советского типа государства.**

⁵ Крестев И., Холмс С. Имитация и ее отрицание // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 14.

⁶ См.: Там же.

⁷ Там же. С. 211.

Я применяю термин «родовые черты», для того чтобы показать: каковы бы ни были изменения, происходившие в течение десятилетий в конструкции советской государственности, каковы бы ни были особенности разных государств, применивших *советскую модель*, все это не отменяло главных, принципиальных ее отличительных свойств. Само же такое название обязано тому, что *первое* государство, отвечавшее типологическим чертам, обрисованным классиками марксизма, именовалось с 1918 по 1991 г. советским.

Эти черты я собираюсь рассмотреть в следующем разделе. А пока нужно сказать о том, *какая идея лежит в их основании*.

* * *

Карл Маркс (1818–1883), его соратник **Фридрих Энгельс** (1820–1895) и их главный российский последователь **В.И. Ленин** (1870–1924) считали, что, пока есть государство, не может быть свободы⁸, и были убеждены, что вполне возможно самоуправляющееся общество, которому не требуется государство. На таком убеждении они построили целую теорию и сами уверовали в ее научность (появилось даже понятие «*научный коммунизм*» — одна из «трех составных частей марксизма»⁹). И хотя Ленин сильно обижался на упреки в утопичности безгосударственного общества¹⁰, он отдавал должное социалистическим утопиям.

⁸ В этом они сходились с теоретиками анархизма, которые считались почти единомышленниками марксистов. Не случайно в Москве, да и в других городах вскоре после большевистской революции появлялись памятники видным теоретикам анархизма (прежде всего **П.А. Кропоткину** и **М.А. Бакунину**), в их честь переименовывались улицы и даже города.

⁹ Еще две части составляли марксистская философия и политэкономия (см.: **Ленин В.И.** Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1973). В советских вузах все три «части» были обязательными учебными дисциплинами.

¹⁰ См., например: **Ленин В.И.** Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 48, 49, 57; **Ленин В.И.** Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 (19) января 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 238–239; **Ленин В.И.** Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 19–20; **Ленин В.И.** Речь о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавко-

Так, он выражал благодарность утопистам-социалистам (Сен-Симону, Фурье, Оуэну), «которые, **несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений**, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых **мы доказываем теперь научно**»¹¹. Впрочем, он лишь повторил положительную оценку утопистов, данную Марксом и Энгельсом еще в 1848 г. в «Манифесте коммунистической партии». Утопизм этих воззрений они объясняли тем, что «фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»¹².

Главное отличие марксизма от утопического социализма, говорил Ленин, состоит в том, что последний «не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу* (курсив Ленина. — М. К.), которая способна стать творцом нового общества»¹³.

Следуя своей формационной концепции истории, марксизм считает, что при коммунизме социальное развитие достигнет своего предела, абсолюта. Так что идея «конца истории» принадлежит отнюдь не **Фрэнсису Фукуяме**¹⁴. Собственно, любая утопия — это как бы картина «конца истории». Но только марксизм обрисовал *путь* к этому «кон-

мов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива и совета общества «Кооперация» 30 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 122.

¹¹ Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1963. С. 26.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 456.

¹³ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. С. 46.

¹⁴ В 1989 г. вышло эссе Ф. Фукуямы «Конец истории?», а в 1992 г. — его книга «Конец истории и последний человек», позднее опубликованная на русском языке (пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004). Впрочем, сам Фукуяма пишет, что эта идея высказывалась и до него, в частности, русским эмигрантом Александром Кожевным.

цу», а ленинизм (большевизм) *конкретизировал и повел по этому пути Россию*.

В силу убеждения в своей научности марксистская теория, разумеется, не употребляет понятия *«идеал»*, «идеальное общество» применительно к коммунизму, да и вообще в марксистском словаре слово «идеализм» ругательное. Однако коммунизм является именно «идеальным обществом», т.е. невозможным в действительности. Главным образом потому, что эта общественная система рассчитана на человека, имеющего совсем **иную психоэмоциональную природу**, нежели обычный, массовый человек (в наши дни появилось немало антиутопий, где фигурируют биологические особи с *искусственно заданными свойствами*. Но людьми их назвать уже нельзя. Поэтому такие произведения и называются *антиутопиями*). Откуда же возьмется, точнее, благодаря чему сформируется «коммунистический человек», которому не потребуются ни правовое регулирование, ни система контроля за соблюдением правовых норм и принуждения за их нарушение? Ленин давал такой ответ:

«Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: “каждый по способностям, каждому по потребностям”, т.е. **когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям** (здесь и далее в цитате курсив Ленина. — М. К.). “Узкий горизонт буржуазного права”, заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, **не переработать бы лишних полчаса** против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. **Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки** со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать “по потребности”. С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство (коммунизм. — М. К.) “чистой утопией” и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому **право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т.п.** Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных “ученых”, которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма. Невежество, — ибо “обещать”, что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и **не теперешнюю производительность труда и не теперешнего** обывателя, способного “зря” — вроде как бурсаки

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)